

Глаголев С. С. *Астрономия и богословие*: [Рец. на: *Astronomie et Théologie* par Le K. P. Th. Ortolan. Paris, 1894] // *Богословский вестник* 1897. Т. 4. № 10. С. 150–168 (2-я пагин.). (Продолжение.)

АСТРОНОМІЯ И БОГОСЛОВІЕ.

Astronomie et Théologie par Le K. P. Th. Ortolan. Paris. 1894. p. p. I—XII+434.

(Продолженіе) ¹⁾.

Въ настоящее время мы не чувствуемъ своей солидарности съ обителями міровъ вселенной. Такъ ли будетъ въ будущемъ? Что ждетъ нашу землю и другіе міры? Ученые, враждебные церкви, въ послѣднее время возвратились къ древнему ученію метемпсихозиса, только въ измѣненной формѣ: они представляютъ себѣ, что наши души будутъ переселяться въ тѣла обитателей другихъ планетъ, и Фламарионъ наявно представляетъ, что наиболѣе завидное и блестящее будущее ожидаетъ астрономовъ. Ученые, руководящіеся въ своихъ воззрѣніяхъ догматами вѣры, тоже предложили въ текущемъ столѣтіи нѣсколько своеобразныхъ гипотезъ о будущемъ чувственно-разумныхъ существъ вселенной. Изъ такихъ попытокъ по своей своеобразности наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе взгляды аббата Гратри, аббата Шаботи и Делестра.

Гратри (о мѣстѣ безсмертія) полагаютъ, что Господь по Своемъ воскресеніи вознесся на солнце. Согласно гипотезѣ Гершеля онъ представляетъ солнце тѣломъ темнымъ, окруженнымъ свѣтящейся оболочкой и допускающимъ на своей поверхности возможность жизни. Тамъ, по его предположенію, вмѣстѣ съ Богочеловѣкомъ находятся Пресвятая Дѣва и другіе святые. Когда Господь испустилъ духъ „гробы отверзлись: и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли; и

¹⁾ См. „Б. В.“ Сентябрь.

вышедши изъ гробовъ по воскресеніи Его, вошли во святыи градъ и явились многимъ“ (Мѣ. XXVII, 52—53). Эти святые съ своими тѣлами вошли въ царство Божіе. Солнце въ настоящее время является божественною скиніею, на которой править Господь съ своимъ небеснымъ дворомъ, но это—скинія только временная, это только образъ вѣчности. Солнце угаснетъ, звѣзды разсыятся во мракѣ, тогда наступитъ истинный конецъ міра, произойдетъ преобразование неба и земли, и вся вселенная станетъ мѣстомъ безсмертія.

Міры тогда начнутъ устремляться къ общему центру тяготѣнія—къ Богу и въ этомъ центрѣ они получаютъ новый видъ и новую форму, и тамъ начнется новая жизнь. Тамъ всегда все будутъ вмѣстѣ со всеми и въ тоже время въ единеніи съ Богомъ. Гдѣ ночь? гдѣ холодъ? гдѣ суетливое движеніе? гдѣ возможность одиночества? гдѣ смерть при этомъ непрестанномъ полномъ свѣтѣ? что сталося со временемъ? кто замѣчаетъ его продолжительность? Тѣла тамъ будутъ прославлены и одухотворены. Какая жизнь! какіе потоки свѣта и любви! какое расширеніе всякаго сердца, всякаго духа, всякой жизни!

Шаботи (объ обновленіи) нѣсколько иначе представляеть будущее праведниковъ. Когда волны потопа покрыли землю, человѣчество погибло не все, оно спаслось въ лицѣ Ноя и его сыновей, точно также не погибнетъ все человѣчество и тогда, когда волны огненнаго потопа въ концѣ времени покрѣютъ землю. Богъ средствами извѣстными Ему одному спасетъ праведныхъ, они избавятся отъ дѣйствія карающаго огня и на обновленной землѣ положатъ начало новому человѣчеству. Это человѣчество станетъ жить блаженною жизнію, оно будетъ пребывать въ состояніи невинности, пользоваться всеми преимуществами, которыя потеряли Адамъ и Ева — безсмертіемъ, неповрежденною природою, внутреннимъ стремленіемъ къ Богу и благу, вкушеніемъ плодовъ древа жизни, оно не будетъ испытывать никакого страданія. Люди будутъ жить на землѣ по тысячѣ лѣтъ или даже болѣе и затѣмъ послѣ легкаго испытанія, изъ котораго они все будутъ выходить побѣдителями, они послѣдовательно будутъ переселяться на небо. Конецъ этой земной жизни не будетъ омрачаемъ печалью, онъ будетъ самымъ свѣт-

лымъ праздникомъ: прошедшіе земной путь во славъ будутъ подниматься на небо созерцаемые восхищенными глазами ихъ остающихся друзей и родственниковъ. Человѣчество будетъ вѣчно жить на землѣ, но его члены — одинъ за другимъ — будутъ переселяться на небо. Сатана, лишенный силы, будетъ заключенъ. Но такъ какъ искупленіе должно дать болѣе, чѣмъ сколько отнялъ сатана, то поэтому людямъ будутъ даны дары новыя, которыхъ они не имѣли. Церковь будетъ продолжать существовать на землѣ, будутъ существовать священство, таинства вообще, особенно евхаристія. Такъ земля и небо соединятся на вѣки, чтобы нѣтъ вѣчно гимнь признательности, славы и любви въ честь трисвятаго Бога.

Шаботи — богословъ и построяетъ свою теорію, опираясь на тексты св. Писанія. Делестръ — математикъ по профессіи, въ ученіе о Богѣ, ангелахъ, мѣстѣ обитанія душъ (въ сочиненіи „о теоцентрическомъ небѣ“) онъ пожелалъ ввести представленія механики и физики. Во имя своеобразныхъ аргументовъ онъ отвергаетъ всѣми признаваемую въ настоящее время теорію строенія неба и предлагаетъ свою собственную. Онъ отрицаетъ движеніе земли вокругъ солнца, признаетъ твердый небесный сводъ, кромѣ видимаго солнца признаетъ существованіе другого, находящагося за видимымъ (земля и оба солнца — являющаяся во время затмевій солнечная корона принадлежитъ второму солнцу — по его представленію всегда находятся на одной прямой). Второе солнце есть мѣсто обитанія Бога, вокругъ Него двигаются херувимы, серафимы, вообще всѣ девять чиновъ ангельскихъ, двигаются тѣмъ ближе къ солнцу, чѣмъ выше стоятъ они въ іерархическомъ ряду. Къ этому солнцу устремляются и души праведниковъ. Делестръ пытается дать такое строеніе вселенной, которое буквально бы отвѣчало повѣсти Моисея и опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ (наприм., словамъ перваго вселенскаго собора о Христѣ „свѣтъ отъ свѣта“). Но его концепціи странны, противорѣчатъ положительнымъ даннымъ знанія и не имѣютъ для себя никакихъ основаній.

Всѣми этими авторами, безъ сомнѣнія, двигало благочестивое чувство, но ихъ опыты примиренія вѣры и дѣйствительныхъ данныхъ науки не могутъ быть признаны удачными.

Положительныя данныя науки ведутъ къ другимъ заключеніямъ. Несомнѣнно, что земля представляетъ собою только неизмѣримо малый атомъ въ неизмѣримо громадной вселенной. Если бы она была разрушена, то во вселенной это событіе прошло бы совершенно незамѣченнымъ, его не обнаружила бы даже цѣлая половина тѣлъ нашей солнечной системы. Это было бы только исчезновеніемъ блестящей точки среди тѣхъ, міриады которыхъ сіяютъ на небѣ. Можно сказать болѣе: если бы вся видимая нашими глазами вселенная, если бы всѣ звѣзды, которыя различаетъ нашъ глазъ въ телескопѣ, включая и звѣзды млечнаго пути; если бы всѣ онѣ внезапно исчезли, то исчезновеніе столькихъ солнць по отношенію ко всей вселенной едва-ли было бы чѣмъ-либо болѣшимъ, чѣмъ паденіе одного листа въ обширномъ лѣсу. Это ничтожество нашей планеты по сравненію со всѣмъ міромъ заставляеть думать, что ея гибель не будетъ гибелью вселенной. Какъ вѣроятное, должно предполагать, что есть другіе обитаемые міры, которые будутъ продолжать существовать и послѣ преобразованія нашего. Будутъ существовать и необитаемые міры. И ихъ бытіе имѣеть цѣль. *Omnia propter electos* Они будутъ предметомъ созерцанія праведныхъ душъ, своею красотою они будутъ доставлять наслажденіе имъ. Можетъ быть, по своему характеру они воспроизводятъ геологическую исторію земли въ различныхъ стадіяхъ ея прошлаго. Земля нѣкогда не носила на себѣ органической жизни; какъ раскаленный шаръ, она носилась въ пространствѣ. Подобно сѣ въ этомъ ея прошломъ существуютъ міры, которые представляютъ собою одно минеральное царство, такіе міры своею своеобразною красотою будутъ улаждать праведниковъ такъ же, какъ улаждаютъ насъ драгоценныя камни. На другихъ мірахъ можетъ быть существуютъ только растенія; они будутъ улаждать праведниковъ, какъ насъ улаждаютъ цвѣты. На третіихъ праведники будутъ созерцать животную жизнь. Міры, населенныя существами разумными, имѣють цѣль въ себѣ.

Но вообще всѣ міры будутъ открыты взорамъ праведниковъ. Прославленныя тѣла ихъ будутъ владычествовать надъ временемъ и пространствомъ. Христіанское ученіе о свойствахъ прославленныхъ тѣлъ обыкновенно возбуждало и

возбуждасть насмѣшки среди невѣрующихъ. Но наука своими открытіями побуждасть глумящихся быть осторожными. Наука открыла въ матеріи такія свойства, которыя не грезились мудрецамъ прежняго времени—наука открыла междупланетную среду—матеріальную и однако не оказывающую никакого сопротивленія двигающимся въ ней тѣламъ (эфиръ). Эта среда проникаетъ сквозь тѣла точно такъ же, какъ прославленное тѣло Господа проходило сквозь затворенныя двери. Наука открыла, что дѣйствіе притяженія распространяется мгновенно. Притягивающая сила или, такъ сказать, лучъ притяженія не проходитъ въ секунду 280 тысячъ верстъ, какъ свѣтъ, нѣтъ, онъ сразу проявляетъ свое дѣйствіе во всей вселенной. Должно полагать, что подобно тому, какъ притяженіе владычествуетъ надъ пространствомъ, такъ будутъ владычествовать надъ пространствомъ и прославленные тѣла праведниковъ. Праведники будутъ наслаждаться созерцаніемъ вселенной, но они не будутъ подчинены тѣмъ законамъ, которыми она управляется.

Невѣріе часто иронически предлагало вопросъ, какъ будутъ возстановлены тѣла праведниковъ? они истлѣли, разрушились; какъ и изъ чего они могутъ быть образованы снова? Наука показываетъ, что въ ученіи о воскресеніи тѣлъ нѣтъ ничего, что бы могло дать матеріаль для ироніи. Частицы матеріи, входящія въ организмъ, представляютъ собою по отношенію къ организму не что-либо существенное, а нѣчто случайное, онѣ входятъ въ организмъ и выходятъ изъ него, а организмъ остается тѣмъ же самымъ. Наше настоящее тѣло есть въ сущности тоже, которое мы имѣли въ дѣтствѣ и которое будемъ имѣть, когда станемъ умирать. Атомы углерода, кислорода, водорода, азота и другихъ элементовъ могутъ замѣщать одни другихъ, но наше тѣло остается тяжелѣйшимъ самому собѣ. Существуетъ нѣкоторый принципъ тождества. Какой этотъ принципъ? Душа? Нѣкоторые предполагаютъ это, но съ этимъ едва ли можно согласиться. Еслибы свойства тѣла обуславливались воздѣйствіемъ души на матерію, тогда въ день послѣдняго суда душа, значить, могла бы соединиться съ какимъ угодно тѣломъ, чтобы получить то, что она имѣла въ теченіе жизни. Это недопустимо. Не представляетъ ли собою этотъ принципъ тождества нѣкотораго организма тонкаго и не-

разрушаемаго, отличнаго отъ видимаго и осязаемаго тѣла, организма являющагося можетъ быть соединительнымъ звеномъ между душою и тѣломъ, тою таинственною средою, посредствомъ которой духъ воздѣйствуетъ на тѣло? Можетъ быть этотъ принципъ родствененъ тому эфирному веществу, посредствомъ котораго распространяются свѣтовые волны и происходятъ всѣ доселѣ еще представляющіяся столь темными явленія электричества, притяженія, магнетизма. Этотъ таинственный и тонкій организмъ обуславливаетъ собою всѣ свойства и индивидуальныя особенности тѣла. Послѣ смерти, когда тѣло разрушается, онъ безъ сомнѣнія остается неизмѣннымъ и несообщающимся ни съ какою матеріею; Божественнымъ Провидѣніемъ онъ будетъ сохраняться до послѣдняго дня, когда станетъ снова основаніемъ для воскресшаго тѣла.

Гдѣ эти воскресшія тѣла найдутъ свой новый Иерусалимъ? Когда совершится воскресеніе? Откровеніе ничего не говоритъ объ этомъ, наука не имѣетъ данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. Всякія предположенія о нихъ будутъ произвольными и бесполезными.

III.

Разборъ сужденій Ортолана.

Мы изложили существенное содержаніе книги французскаго апологета. Къ этому изложенію должно прибавить, что книга написана изящнымъ, по мѣстамъ увлекательнымъ, стилемъ. Авторъ умѣлъ сдѣлать изложеніе своей книги интереснымъ даже въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ должно бы было вѣять холодомъ алгебраическихъ формулъ и гдѣ должны бы царствовать сухія ариѳметическія вычисленія. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы быть болѣе кратокъ, но читатель охотно проститъ ему его лирическія длинноты и порою даже отступленія, потому что они не только не утомляютъ, но напротивъ оживляютъ книгу и болѣе приковываютъ къ ней читателя.

Такова внѣшняя сторона книги. Ея содержаніе свидѣтельствуетъ о широкомъ и разностороннемъ образованіи автора. Докторъ богословія и каноническаго права авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ св. Писаніемъ и тво-

реніями св. отцовъ. Нѣкоторыя изъ его выписокъ изъ отеческихъ твореній приведены нами. Онъ обнаруживаетъ и нѣкоторую начитанность въ астрономіи и физикѣ. Во всякомъ случаѣ элементами этихъ наукъ онъ овладѣлъ настолько, что во всей его книгѣ на протяженіи болѣе 450 страницъ нельзя указать ни одного промаха по отношенію къ общепризнаннымъ истинамъ науки о небѣ. Скажутъ, что это—похвала отрицательная, но скажемъ мы, какою бы она ни была, она можетъ выпасть на долю далеко не всѣхъ апологетовъ даже запада. У католиковъ, къ которымъ принадлежитъ Ортоланъ, есть два рода апологетовъ: богословы и натуралисты, первые часто обнаруживаютъ незнакомство съ наукою, противъ разрушительныхъ выводовъ которой направляютъ свое оружіе, вторые—иногда совершенно незнакомые съ богословіемъ (это бываетъ и съ аббатами, наприм., съ Буржуа, Делонэ)—дѣлаютъ такія уступки галаніямъ ученыхъ, на которыя не можетъ пойти богословъ. Ортоланъ чуждъ этихъ крайностей, онъ --- богословъ но не отварачивается спиною и отъ естествознанія. Однако, нельзя сказать, чтобы тотъ естественно-научный багажъ, которымъ онъ пользовался при написаніи своей книги, былъ очень обилешъ и чтобы онъ по отношенію къ нему не обнаружилъ нѣкотораго чрезмѣрнаго увлеченія, которое невыгоднымъ образомъ отразилось на его книгѣ.

Главными пособіями Ортолана были „астрономія“ Ньюкомба и Энгельмана и книга Фая „о происхожденіи міра“. Астрономіи Ньюкомба Ортоланъ могъ довѣриться вполне, но онъ напрасно также безусловно довѣрился и предположеніямъ Фая. Критика Фая вполне основательна, но его собственные взгляды очень гипотетичны. Ортоланъ, повидимому, слѣдуетъ Фая, когда доказываетъ, что всѣ планеты нашей системы кромѣ земли должно представлять обитаемыми, и аргументація этого тезиса, какъ у Фая, такъ и у Ортолана, является очень сильной. Но Ортоланъ напрасно слѣдуетъ Фая, когда говоритъ о возрастѣ планетъ, о происхожденіи міровъ, о возникновеніи солнечной системы. Утвержденія Фая Ортоланъ называетъ „современной наукой“, но это—не наука, а только гипотезы одного изъ служителей науки, гипотезы, кстати нужно замѣтить, среди ученыхъ вовсе не имѣющія послѣдователей. Это смѣшеніе гипо-

тезъ съ общепризнанными истинами производитъ невыгодное впечатлѣніе. Оно особенно неудобно въ сочиненіи богословско-апологетическомъ, менѣе чѣмъ кто-либо богословъ долженъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія. Но у Ортолана есть эта слабость. Увлекаясь гаданіями Фая, онъ увлекается еще гипотезою мірового эфира. Изъ этой гипотезы онъ, какъ мы видѣли, готовъ объяснить и взаимодействие души съ тѣломъ и воскресеніе тѣла и ихъ прославленіе. Но, вѣдь, эфиръ только физическая гипотеза, которая—кто знаетъ—можетъ быть скоро станеть ненужной. Гипотеза эфира состоитъ въ предположеніи, что пространство между тѣлами и пустоты въ тѣлахъ наполнены атомами особаго рода. Эти атомы невѣсомы, абсолютно тверды, не оказываютъ сопротивленія двигающимся въ средѣ ихъ тѣламъ и обуславливаютъ собою свѣтъ, теплоту, электричество, а по мнѣнію многихъ (повидимому, и Ортолана) и притяженіе. Нетрудно видѣть, что въ представленіи этихъ атомовъ заключается много противорѣчиваго: твердость тѣла—удобно объясняется, какъ слѣдствіе частичнаго притяженія, здѣсь, наоборотъ, явленія притяженія хотятъ объяснить толчками твердыхъ тѣлъ. Эфиру приписываютъ способность своими толчками сообщать движеніе тѣламъ и отказываютъ ему въ способности сопротивляться ихъ движенію. Эта необходимость приписывать эфиру противорѣчивыя свойства побудилъ многихъ компетентныхъ физиковъ отрицать реальность его существованія. Эфиръ отрицалъ Клаузіусъ. Въ настоящее время Оствальдъ (химикъ) съ своею гипотезою энергетизма тоже идетъ противъ эфира. У физиковъ и химиковъ начинается выработываться убѣжденіе, что для объясненія явленій нѣтъ нужды прибѣгать къ пробл.матическому эфиру, что механическую связь между явленіями можно выразить математической формулой, вообще не обращаясь къ гипотезамъ. Правда, имѣются и горячіе приверженцы теоріи эфира (у насъ такимъ былъ покойный Столѣтовъ), но ихъ число далеко не такъ велико, чтобы Ортоланъ въ своихъ смѣлыхъ сужденіяхъ о преобразованіи тѣлъ праведниковъ могъ опереться на нихъ.

Для раскрытія мысли, что ученіе о воскресеніи и прославленіи тѣла не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго и логически и фактически невозможнаго, Ортолану

нужно было обращаться не къ научнымъ предположеніямъ, а къ тому, что наука дѣйствительно знаетъ о веществѣ, его различныхъ состояніяхъ и преобразованіи его свойствъ въ этихъ состояніяхъ. То, что мы называемъ твердыми, жидкими или газообразными тѣлами, представляетъ собою лишь частное проявленіе намъ въ своей сущности невѣдомаго субстрата, который при другихъ условіяхъ можетъ явиться совсѣмъ подъ другими формами, и мы знаемъ массу явленій, которыя доказываютъ, что такія формы возможны и дѣйствительно существуютъ. Уже Круксъ своими работами надъ разрѣженными газами показалъ это. Матерія можетъ являться не только подъ образомъ темной, инертной массы, но и въ видѣ свѣтоноснаго, обладающаго абсолютною пропиаемостію, пачала. Разумѣется, на всѣхъ этихъ фактахъ нельзя построить научной теоріи воскресенія тѣлъ, но они совершенно заграждаютъ уста тѣмъ, которыя говорятъ: „это невозможно“, они не открываютъ истины, но они указываютъ уму въ ту далекую сторону, гдѣ находится истина предчувствуемая сердцемъ.

Увлечаясь гипотезами, Ортоланъ готовъ искать подтвержденія ихъ въ св. Писаніи. Указаніе на существованіе эфира онъ видитъ въ книгѣ Іова (XXVI, 7). Прошедшее должно бы было его научить, какъ опасно утверждать гипотезы на авторитетѣ Библии, но онъ не хочетъ вразумиться этимъ. Послѣ прекрасныхъ разсужденій о томъ, что въ Библии не можетъ быть научно, а непременно должно быть человѣкообразно изложено ученіе о мірѣ и его происхожденіи, онъ начинаетъ усердно искать въ Библии указаній на сферичность земли, ея движеніе вокругъ оси и вокругъ солнца. Но если въ Библии описываются явленія такъ, какъ они представляются чуждственному взору простаго человѣка, а не умственному взору ученаго, то тогда, кажется, совершенно напрасно искать въ ней указаній на то, какъ на самомъ дѣлѣ совершаются событія и явленія. Языкъ Библии, это—языкъ, которымъ говорило и всегда будетъ говорить человѣчество. „Солнце взошло, луна зашла“, это—выраженія, отъ которыхъ не могутъ отдѣлаться не только люди простые, но и ученые. Астрономы говорятъ: „солнце вступило въ меридіанъ“, „прямое *восхожденіе* звѣзды“, никто не сомнѣвается относительно смысла этихъ терминовъ

и не упрекаетъ астрономовъ за неточность выраженія. Астрономы однако, еслибы захотѣли, могли замѣнить ихъ другими болѣе правильно выражающими ихъ мысль, но въ Библии не могутъ быть поставлены другія выраженія: она предназначена для всѣхъ людей, а не для однихъ только тѣхъ, которые получили астрономическое образованіе. Библия поэтому описываетъ явленія такъ, какъ они кажутся, представляя мудрымъ и простымъ—каждому по своему—опредѣлять ихъ дѣйствительный характеръ. „И остановилась солнце, и луна стояла“ (Ис Нав. X, 13), читаемъ мы въ Библии. Сторонникъ птоломеевой теоріи пойметъ эти слова буквально, послѣдователь Коперника истолкуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что земля на время прекратила свое движеніе вокругъ оси, кто нибудь можетъ быть предложить теорію постепеннаго усиленія рефракціи, вслѣдствіе котораго хотя земля и продолжала свое движеніе, усиливающаяся преломляемость атмосферы заставляла жителей Палестины видѣть солнце все на одномъ мѣстѣ. Могутъ предложить и другія объясненія. Что было на самомъ дѣлѣ, извѣстно одному Богу. Но въ чемъ состояло явленіе съ внѣшней стороны, это изъ описанія Библии понятно всякому и для религіозныхъ цѣлей это только и нужно.

Ортолапъ находитъ въ Библии указанія на полюсы, ось земли и ея вращеніе, но древность съ тѣми выраженіями, на которыя указываетъ онъ, соединяла совсѣмъ другой смыслъ, и ему или пужно было доказать, что Богодухновенные писатели употребляли эти выраженія въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляемъ ихъ мы, или совсѣмъ не ссылаться на нихъ. Древніе думали, что небо вращается на твердой оси, концы которой вертѣлись въ неподвижныхъ гнѣздахъ. У Витрувія есть описаніе всего этого небснаго механизма, имѣющаго не только гнѣзда для окончностей оси, но еще спицы, подобныя спицамъ колеса, служащія для вращенія неба. Анаксагоръ полагалъ, что въ началѣ всѣ свѣтила обращались около зенита (значитъ, онъ не зналъ, что каждое мѣсто имѣетъ свой зенитъ), и слѣдовательно ось неба была вертикальна по отношенію къ землѣ, впоследствии она наклонилась ¹⁾). Должно признать, что

¹⁾ Араго. Общедоступная астрономія перев. Хотинскаго 1861 г. Т. I. Кн. VI. Мифы древнихъ объ оси міра.

эти концепціи — теперь безусловно отвергнутыя — гораздо ближе подходят къ Библейскому тексту, чѣмъ новыя теоріи. Это понятно. Ученія древнихъ исходили изъ того начала, что вещи на самомъ дѣлѣ таковы, какими онѣ кажутся. Библия описываетъ то, что кажется, отсюда совпаденіе Библейскихъ описаній съ древними космогоническими и космологическими представленіями.

Библия не отрицаетъ теорію Коперника точно такъ же, какъ эту теорію не отрицаютъ наблюдаемыя нами явленія (движенія солнца, звѣздъ, планетъ), но если изученіе явлений даетъ основанія для признанія коперниковской системы, то вовсе нельзя сказать, чтобы изученіе Библии вело къ тому же выводу. Еще ни одинъ богословъ не сдѣлалъ открытія на основаніи Библии. На самомъ дѣлѣ, если бы Библия въ своихъ повѣствованіяхъ о природѣ представляла бы точно дѣйствительность, то тогда она не могла бы описывать ее не только въ выраженіяхъ Птолемея, но и Коперника. Философія учитъ насъ, что матерія, движеніе, пространство и время, совсѣмъ не то и не таковы, какими они намъ кажутся. Все это только образы вещей невидимыхъ. Міропостроеніе Коперника такъ же субъективно, какъ и міропостроеніе Птолемея. Здѣсь только измѣнена точка зрѣнія. Библия—независимо отъ теорій—описываетъ намъ *кажущуюся* вселенную, вселенная *дѣйствительная* откроется намъ по исполненіи временъ.

Ортоланъ по отношенію къ научнымъ предположеніямъ любитъ употреблять такой пріемъ. Библия, у него, уже учитъ о томъ, что лишь предполагаетъ наука. Онъ утверждаетъ это относительно обитаемости міровъ. Наука не имѣетъ основаній настаивать на этой обитаемости, но нѣкоторые тексты Библии, по Ортолану, заставляютъ предполагать ее. Мы думаемъ, что современное знаніе—именно современное—должно бы было воспренятствовать Ортолану держаться высказанныхъ имъ предположеній. Совершенно вѣрно его утвержденіе, что св. Писаніе учитъ, что число всѣхъ разумныхъ существъ вселенной неизмѣримо больше числа обитателей земли. Но несомнѣнно также, что св. Писаніе кромѣ людей признаетъ еще лишь одинъ родъ разумныхъ существъ—ангеловъ, духовъ безплотныхъ, и имѣющихъ природу совершенно отличную отъ нашей. Древніе

могли помѣщать ангеловъ на солнцѣ и звѣздахъ, ибо могли предполагать, что природа этихъ свѣтилъ совершенно иная, чѣмъ природа нашей земли. Но спектральный анализъ учить насъ, что весь матеріальный міръ созданъ по одному образу и подобию, что все множество міровъ образовано изъ однихъ и тѣхъ же 70—75 химическихъ элементовъ, которые мы находимъ на землѣ (до послѣдняго времени на землѣ не былъ пайденъ гелій — элементъ открытый при помощи спектральнаго анализа на солнцѣ, — но теперь нашли и его въ клевейтѣ), и что природа существъ, если таковыя существуютъ на другихъ мірахъ, должна быть подобна земной. Жители небесныхъ міровъ должны быть вѣсомы точно такъ же, какъ и обитатели земли, они не могутъ переходить изъ одного пункта въ другой, не проходя посредствующаго пространства. отождествлять ихъ съ ангелами или относить къ нимъ слова Откровенія относительно ангеловъ невозможно. Должно признать, что Библія ничего не говоритъ ни объ обитаемости, ни о необитаемости небесныхъ свѣтилъ. Ничего о нихъ въ сущности не говоритъ и наука. Вопросъ этотъ доселѣ обыкновенно рѣшаютъ сердцемъ, а не умомъ. Такъ рѣшаетъ его и Ортоланъ.

Наставая на томъ, что въ Библии излагается ученіе о мірѣ, которое только въ настоящее время становится достояніемъ науки, Ортоланъ, намъ кажется, руководится нѣкоторыми ошибочными предвзятыми положеніями, которые нѣрѣдко въ западной апологетической печати высказывались въ послѣднее время. Именно, Ортоланъ руководился убѣжденіемъ, что въ глубокой древности культура стояла очень высоко, что многія завоеванія новаго времени были достояніемъ древности. Это убѣжденіе явилось, какъ реакція противоположной крайности — высококомѣрнопренебрежительному отношенію къ знаніямъ древнихъ. Мы вполнѣ согласны съ Ортоланомъ и другими, что это высококомѣрное отношеніе свидѣтельствуетъ о крайне невысокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ относящихся. Мы всѣмъ обязаны древнимъ, и древніе ничѣмъ не обязаны намъ. Не говоря уже о философіи, при помощи самыхъ ничтожныхъ средствъ древніе совершили великія открытія въ области точныхъ наукъ, которые легли въ основаніе нашихъ сужденій о природѣ. Но потомки были бы недостойны пред-

ковъ, еслибы не пошли далѣе ихъ. Постройки египтянъ, ихъ практическія (но не научныя) познанія въ области медицины и химіи заслуживаютъ законнаго удивленія и нѣтъ никакой нужды приписывать еще египтянамъ знанія въ области космографіи и математики, которыми они на самомъ дѣлѣ не владѣли. Но Ортоланъ, настаивая на высокомъ образованіи Моисея воспитаннаго во всей мудрости египетской, смѣло превращаетъ эту мудрость въ совокупность обширныхъ точныхъ познаній. Нельзя послѣдовать за нимъ. Современная египтологія располагаетъ достаточнымъ матеріаломъ, чтобы опредѣлить кругъ и границы познаній египтянъ во времена Моисея. Они оказываются далеко не обширными.

Прежде всего Ортоланъ не правъ, утверждая, что Моисей воспитывался при дворѣ фараона въ самое цвѣтущее время египетской культуры. Цвѣтущее время отступаетъ далеко назадъ—къ эпохѣ XII династій, а Моисей жилъ по всей вѣроятности при XIX. Говоримъ: по всей вѣроятности, потому что при имѣющихся данныхъ нельзя точно опредѣлить время Моисея и дату исхода. Прежде Рамзеса II называли фараономъ преслѣдованія и полагали, что исходъ произошелъ при его преемникѣ Меренпѣ. Теперь это мнѣніе должно быть отвергнуто. Таблицы открытыя въ Тельэль амарна показываютъ, что во времена Меренпѣ евреи жили уже въ Палестинѣ²⁾. Но во всякомъ случаѣ отодвигать дату ихъ исхода на значительное время отъ Меренпѣ нельзя. Чему же могъ научиться въ это время Моисей въ Египтѣ?

Египтяне представляли страну свою средолочіемъ міра, сердцемъ Космоса, обращеннаго головой къ священному югу, Нилъ они представляли вытекающимъ изъ двухъ дыръ. Было у нихъ еще представленіе, что міръ есть огромный островъ, имѣющій форму параллелипипеда, окруженный горами, поддерживающими желѣзныи небесный сводъ. При

— — —

2) Эти таблицы породили обширную литературу. Наиболее обстоятельными изъ нихъ представляются относительно ихъ статьи Делатра (въ *Revue Quest. scientif.* за нѣсколько лѣтъ). На русскомъ языкѣ о нихъ писалъ Соловѣйчикъ (въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* за 1896 г.). Небольшую, но интересную статью посвятилъ имъ проф. Степанскій (*Христ. Чтен.* 1897 г. Май).

такихъ представленіяхъ, конечно, они никакимъ образомъ не могли вычислить правильно ни объема земли, ни ея вѣса.

Египтяне много занимались астрономіей. У нихъ во многихъ городахъ были обсерваторіи (въ Дендерахъ, Тиви, Мемфисѣ, Гелиополисѣ и др.), на которыхъ жрецы внимательно наблюдали за всѣми явленіями, происходившими на небѣ. Но эти наблюденія представляли собою скорѣе эстетическое созерцаніе, чѣмъ образцы научнаго изслѣдованія. Лучшимъ доказательствомъ ограниченности астрономическихъ познаній египтянъ служить ихъ календарь. Въ глубокой древности они дѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ. Невѣрность этого счисленія не замедлила обнаружиться. Тогда они къ 360 днямъ года прибавили еще 5 сверхгодичныхъ или эпагоменныхъ дней. Объ этой прибавкѣ у нихъ сложился такой мифъ. Богиня Путь имѣла связь съ Себу. Ра (богъ солнца), узнавъ объ этомъ, околдовалъ ее такъ, что она не могла разрѣшиться отъ бремени ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ какого бы то ни было года. Но Тотъ, любившій богиню, сталъ играть въ кости съ луною и выигралъ у ней шестьдесятую часть каждаго дня, изъ чего составилъ 5 дней и прибавилъ ихъ къ 360. Однако и эта романтическая прибавка, уменьшивъ разницу между гражданскимъ годомъ египтянъ и годомъ астрономическимъ, не уничтожила ее совсѣмъ: гражданскій годъ у нихъ былъ на $\frac{1}{4}$ сутокъ менѣе астрономическаго, и 1461 годъ гражданскій равнялся 1460 годамъ астрономическимъ. Времена года, время разлива Нила, посѣва и жатвы должны были у египтянъ передвигаться съ однихъ мѣсяцевъ на другіе. Если бы они дѣйствительно умѣли производить астрономическія вычисленія и обладали астрономическими познаніями, у нихъ не случилось бы этого.

Развитіе астрономіи обусловливается степенью развитія математикн. Отъ XIX династіи до нашего времени дошелъ математическій трактатъ, показывающій, что египтяне въ области чистой математикн не сдѣлали большихъ успѣховъ. Они были хорошими практическими геометрами, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ пирамиды и храмы, но они были недалекими теоретиками. Ихъ мѣры были менѣе совершенны, чѣмъ, наприм., мѣры вавилонянъ. Въ области теоріи они не возвысились даже до признанія въ общемъ

видѣ теоремы Пифагора (квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ). Съ благоговѣйнымъ изумленіемъ они открыли, что если одинъ катетъ будетъ равенъ 3, другой—4, то гипотенуза будетъ равна 5 ($3 \times 3 + 4 \times 4 = 5 \times 5$), они признали этотъ треугольникъ священнымъ, 3 у нихъ стало означать Озириса, 4—Изиду, 5—Гора, но они не подумали обобщить это открытіе ³⁾.

Египтяне были народомъ практики, они не совершали отдаленныхъ путешествій на землѣ и не проникали далеко въ глубины неба. Моисей немного могъ приобрѣсти у нихъ космографическихъ познаній. Вліяніе египетскаго образованія должно было бы сказаться на его произведеніяхъ фантастическими представленіями устройства міра и его происхожденія. Но онъ писалъ не подъ диктовку египетскихъ жрецовъ, а подъ водительствомъ Святаго Духа. Св. Духъ не открылъ ему тайнъ земли и неба, но, видимый Имъ, онъ не написалъ ничего ошибочнаго ни о небѣ, ни о землѣ.

Сверхъестественное воздѣйствіе охранило Моисея отъ естественныхъ заблужденій. Но это божественное воздѣйствіе не охраняло толкователей повѣсти Моисея. Св. отцы, толковавшіе книгу Бытія, руководились познаніями о природѣ своихъ современниковъ и повторяли многія ихъ заблужденія. Ортоланъ пытается представить, что астрономическія и космологическія познанія въ первые вѣка христіанской эры стояли высоко, что тогда господствовали геліоцентрическія идеи. Это—неправда. Мысль о сферичности земли, возникшая за сотни лѣтъ до Р. Х. и смутно

³⁾ О невысокомъ состояніи наукъ у египтянъ можно найти свѣдѣнія у Брунша, Ленсіуса, М. Мюллера, Эйзенлора и др. Замѣчательно, что ихъ геометрическія представленія, какъ это открывается изъ землемѣрныхъ надписей на храмѣ въ Эдфу и изъ папируса Ринда, стояли гораздо ниже даже ихъ арифметическихъ теорій. Вычисленіе площадей у нихъ прямо утверждалось на невѣрной теоремѣ (равенства площадей при равенствѣ периметровъ). Сравнительно съ значительнымъ приближеніемъ они вычислили квадратуру круга. По папирусу Ринда сторона квадрата равновеликаго площади круга равна $8\frac{1}{2}$ діаметра такъ, что отношеніе окружности къ діаметру (П) у нихъ вышло равнымъ 3,16 на самомъ дѣлѣ оно равно 3, 14159265.....

высказывавшаяся уже многими, со времени Аристотеля приняла форму научной теории, но идеи движенья земли тогда совсѣмъ не существовало въ философскомъ и научномъ обиходѣ. Вотъ сущность космологіи, которою руководились мыслители въ отеческую эпоху. Міръ дѣлился на двѣ обособленныя системы: небо съ равномерными круговыми движеньями эфира и земля съ измѣнчивыми прямолинейными взаимопротивоположными движеньями элементовъ; первое—средоточіе всего совершеннаго, соразмѣрнаго и неизмѣннаго, послѣдняя—вмѣстилище несовершенства и вѣчно измѣняющаго разнообразія. Въ то время, какъ земныя единичныя существа возникаютъ и исчезаютъ, пріобрѣтаютъ и теряютъ качества, увеличиваются и убываютъ, созвѣздія не возникаютъ и не исчезаютъ; подобно небеснымъ богамъ, они не подвергаются никакому измѣненію и движутся въ неизмѣнномъ вращеніи по разъ навсегда опредѣленнымъ путямъ. Вокругъ неподвижной земли вращаются шарообразныя сфѣры, на ближайшей изъ нихъ укрѣплена луна, на слѣдующихъ—солнце, пять планетъ и, наконецъ, на самой отдаленной неподвижныя звѣзды. Принимая во вниманіе, что взаимное положеніе звѣздъ остается неизмѣннымъ, для нихъ полагали одну общую сфѣру. Напротивъ, для объясненія уклоненія планетъ отъ правильнаго пути приписывали каждой изъ нихъ множество сфѣръ, зависящихъ другъ отъ друга, причемъ представляли, что данная планета всегда прикрѣплена къ низшей изъ этихъ сфѣръ. При развитіи этой теории Аристотель насчиталъ въ общемъ 55 сфѣръ ⁴⁾. Впослѣдствіи теорія Аристотеля уступила мѣсто эпицикламъ Птолемея.

Св. отцы въ своихъ толкованіяхъ Библейскаго ученія о природѣ руководились несамостоятельными изслѣдованіями природы, но сочиненіями о природѣ греческихъ философовъ. Св. Василій Великій руководился Аристотелемъ. Вслѣдствіе этого многія заблужденія Стагирита мы видимъ повторенными въ шестодневѣ. Ученіе о произвольномъ зарожденіи, о возникновеніи ужей изъ тины, мышей и жабъ

⁴⁾ Теорія Аристотеля изложена въ его сочиненіи „De caelo“. См. Виппельбанда, Исторію древней философіи. Перев. подъ редакц. Введенскаго. стр. 226—228.

отъ дождя, о своеобразныхъ свойствахъ льва, все это св. Василій излагаетъ, довѣряясь на слово греческимъ зоологамъ, и ошибки, въ которыя онъ при этомъ впадаетъ, такъ велики, что даже русскій переводчикъ прошедшаго столѣтія счелъ нужнымъ оговорить ихъ, замѣтивъ, что отвѣтственность за нихъ должна быть сложена съ св. Василія, такъ какъ „его обманули греческіе писатели“. Последующіе отцы и вообще многіе церковные писатели поступали еще проще: они не читали греческихъ философовъ, они только читали св. Василія. Никто не посмѣетъ упрекать ихъ за то, что они отъ своего великаго дѣла—религіозно-нравственнаго перевоспитанія человѣчества не отнимали часовъ, чтобы разсматривать звѣзды, или цвѣты. Они не имѣли времени изучать природу, но вслѣдствіе этого они и мало знали ее. Они брали готовое (языческое) ученіе о природѣ, но они освѣщали его христіанскимъ свѣтомъ. Все то, что имъ казалось въ философскихъ ученіяхъ несогласнымъ съ христіанскою вѣрою, они отбрасывали, какъ заблужденіе. Они настойчиво развивали въ своихъ твореніяхъ мысль о Промыслѣ въ міровой жизни, о цѣлесообразности. Въ ихъ разсужденіяхъ о природѣ имѣетъ незыблемое значеніе та религіозно-нравственная точка зрѣнія, съ которой они оцѣнивали явленія, но ихъ описанія и объясненія явленій не имѣютъ значенія. Ортоланъ выдергиваетъ изъ ихъ твореній отдѣльныя мѣста, которыя взятыя внѣ контекста являются въ сущности неясными, но онъ толкуетъ ихъ въ желательномъ для себя смыслѣ, и у него получается, что св. Василій раздѣлялъ гипотезу міроваго эфира, а бл. Августинъ училъ о движеніи земли. И тотъ и другой писатель, прозрѣвая можетъ быть многое въ судьбахъ человѣчества, едва-ли предвидѣли, что когда-нибудь появятся тѣ ученія, сторонниками которыхъ называетъ ихъ Ортоланъ. Но Ортоланъ вѣрно отмѣтилъ, какъ замѣчательное достоинство св. отцовъ, что они никогда не догматизировали своихъ воззрѣній на природу или своихъ толкованій библейскаго ученія о природѣ. Въ этомъ отношеніи они стоятъ неизмѣримо выше многихъ философовъ нашихъ дней. Последніе самыя смѣлыя естественнонаучныя гипотезы провозглашаютъ истинами добытыми наукой и на нихъ, какъ на непоколебимомъ фундаментѣ, строятъ свои системы. Св. отцы

проявляли необычайную осторожность. Весьма различно толковали они моисеево повѣствованіе о твореніи міра, но они не порицали другъ друга за различіе взглядовъ (св. Григорій Нисскій, св. Афанасій Александрійскій отрицали буквальное пониманіе 1-й главы книги Бытія, напротивъ, богословы антиохійской школы—и во главѣ ихъ св. Златоустъ— настаивали на немъ) и не препятствовали никому производить самостоятельныя изслѣдованія природы. Результаты этихъ изслѣдованій они принимали и привѣтствовали. Живи они во времена Коперника, или Галилея, они несомнѣнно приняли-бы новое геліоцентрическое ученіе и своимъ авторитетомъ освятили бы его и облегчили его распространеніе. Вѣдь, своимъ авторитетомъ они поддерживали геоцентрическую космологію. При этомъ замѣчательно, что св. отцы никогда не принимали гипотезу во всѣхъ ея мелочныхъ и странныхъ подробностяхъ. Та нестрота и сложность міропостроенія, которую, напримѣръ, предполагалъ въ своей космологической системѣ Аристотель, ихъ умамъ всегда представлялась подозрительной. Св. отцы глубоко выяснили себѣ идею всемогущества и премудрости Божіей. Съ этой идеей неразрывно связана мысль, что Богъ наилучшихъ цѣлей достигаетъ наипростѣйшими средствами. Премудрость проявляется въ простотѣ. Это положеніе проходитъ черезъ весь шестодневъ св. Василія, его можно найти въ твореніяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго (наприм., при разсужденіи о размноженіи рода человѣческаго) и у другихъ отцовъ. Вотъ, почему они должны были думать, что 55 сферъ Аристотеля слишкомъ много, и что Господь Богъ управляетъ движеніемъ небеснаго механизма при помощи гораздо меньшаго числа началъ. Такъ, у отцовъ если и не было многихъ и правильныхъ знаній о природѣ, то у нихъ были глубоковѣрные руководящіе взгляды на изслѣдованіе природы. И этимъ обстоятельствомъ не только опровергается тотъ взглядъ, что религія враждебна положительному знанію, но утверждается, что религія освящаетъ и благословляетъ истинную науку и споспѣшествуетъ ей.

Этотъ тезисъ всецѣло утверждается и Ортоланомъ. Съ нимъ согласился и всякое вѣрующее сердце. Мы позволили себѣ только отмѣтить, что при разсужденіи о взаимоотношеніяхъ астрономіи и богословія Ортоланъ придаетъ пре-

увеличенное значеніе нѣкоторымъ гипотезамъ и преувеличиваетъ познанія древнихъ въ области точныхъ наукъ. Но эти недостатки его книги не могутъ быть признаны имѣющими важное значеніе. Гипотезы, которымъ онъ слѣдуетъ, не заключаютъ въ себѣ ничего враждебнаго религіи, а его преувеличенная оцѣнка знаній древнихъ во всякомъ случаѣ лучше и благороднѣе допускаемаго многими глумленія надъ представленіями древнихъ. Это глумленіе болѣе позорно, чѣмъ глумленіе Хама надъ отцомъ, и оно даетъ основаніе и поводъ дѣтямъ глумящихся смѣяться надъ убѣжденіями и теоріями своихъ отцовъ. Вотъ, почему мы нерасположены ставить Ортолану въ серьезную вину указанные недостатки его книги. Въ его изслѣдованіи есть недостатки болѣе серьезные и есть промахи, невѣрныя утвержденія и ошибочныя воззрѣнія, имѣющія, по нашему мнѣнію гораздо болѣе важное значеніе. Къ разбору ихъ мы теперь и обратимся.

С. Плагольвъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
